

Фан Чжи нервно держал в зубах нефритовые палочки и смотрел на Чу Сяннаня, сердце его билось, как у дикого оленя в лесу.

— Боюсь, что разочарую дядю и тётю. — Чу Сяннань поднял глаза и прямо посмотрел на старших, голос его был серьёзным, но спокойным. — Мои родители недавно попали в несчастный случай и ушли из жизни.

В комнате повисла тишина.

Чу Сяннань, видя сожаление и вину на лицах старших, произнёс утешительно:

— Хотя мне было больно, это факт, с которым я смирился. Вам не стоит винить себя.

Фан Лицзе вздохнул, голос его был мягким и полным сочувствия:

— Ты остался один в семье?

— Со мной детство провёл друг, а также повариха, которая осталась до конца. — Чу Сяннань опустил глаза. — Остальные разошлись, но жизнь идёт спокойно.

Фан Чжи, глядя на человека рядом, который так спокойно говорил об этом, почувствовал острую, невыносимую боль. В этот миг он искренне поблагодарил Чан Гэ, которому раньше завидовал.

Если бы не Чан Гэ, тот, кого он держал в сердце, действительно был бы один, один проходил бы через шумные дни и тихие ночи, с безучастным видом зализывая неизвестные раны, гордый и холодный, одинокий и чистый.

Тёмное небо висело высоко, только серебряный месяц ярко светил, тихо вися в бескрайнем небе, холодный и благородный, но пронизанный глубоким одиночеством.

Они шли по тропинке, вечерний ветер был прохладным, ветки деревьев слегка покачивались.

— Предложение родителей, ты правда не хочешь пересмотреть?

Чу Сяннань покачал головой:

— Я понимаю доброе намерение дяди и тёти, но это слишком опрометчиво.

— Переезжай к нам с тем, с... с ним, — Фан Чжи намекал, но не хотел называть имя. — У нас есть добрый и ласковый отец, мать, которую отец балует, и повариха, которая вкусно готовит. — Он намеренно протянул последнюю фразу, и когда Чу Сяннань повернул голову, подмигнул и важно добавил. — И ещё есть я. Я, красавец и умница, господин Фан, разве ты не придёшь?

Чу Сяннань, глядя на притворно игривое лицо красивого юноши, улыбнулся, губы его приподнялись, и он тихо рассмеялся. Голос был чистым, как журчание ручья, и прекрасным, как звуки древней цитры.

— Богатый господин Фан, я вижу, похвалы студентов академии вскружили тебе голову.

Фан Чжи, услышав его мягкий голос, облегчённо вздохнул.

— Прости, Сяннань, мои родители не нарочно упомянули... твоих родителей.

— Ничего, правда. — Голос Чу Сяннаня не изменился, шаги были твёрдыми. — О родителях... вспоминать теперь уже не так больно. Вместо того чтобы жить в боли, я хочу твердо запомнить их образы и вспоминать больше хорошего и радостного.

— Ну и хорошо, раз ты так смотришь на вещи, я спокоен.

Они болтали обо всём, ни о чём, и незаметно дошли до дома семьи Чу. Фан Чжи посмотрел на высоко висящую табличку с иероглифами «Дом семьи Чу» и почувствовал укол в сердце.

— В прошлый раз я тоже провожал тебя домой.

Чу Сяннань был немного беспомощен:

— И в этот раз я советовал не провожать, ты не послушал.

Не проводить тебя домой — не позволю я сам, да и родители отругают. Фан Чжи хихикнул:

— Ничего, ничего, поел и выпил — самое время прогуляться.

Они стояли у ворот дома семьи Чу, и никто не хотел двигаться, пока изнутри не раздался низкий, ленивый и подлый голос юноши.

— Чего там, Чу Сяннань? С любовником встречаешься? Ноги к земле приросли?

Чу Сяннань пошатнулся: вернувшись, он действительно побьёт Чан Гэ.

Он выдохнул и сквозь зубы сказал:

— Фан Чжи, иди назад, у меня домашние дела.

Фан Чжи был покорён фразой «любовник», и хотя знал, что домашние дела — это Чан Гэ, решил не открывать банку с уксусом.

Но играть нужно было.

— Сяннань, — Фан Чжи нежно и слабо. — Я не могу с тобой расстаться.

Чу Сяннань:

«...»

Снова артист.

Фан Чжи моргнул влажными глазами:

— Нань-нань, тебе не жалко меня?

Чу Сяннань стиснул зубы, но принял удар:

— Ачжи, умница, хорошо иди домой. До встречи завтра.

Фан Чжи громко рассмеялся и вернул две книги, которые нёс при себе:

— Ну, до встречи завтра в академии?

Чу Сяннань, увидев, что тот вернулся в норму, облегчённо вздохнул, но не ожидал, что сам заразится глупостью, и на мгновение почувствовал радость. Он протянул руку, взял книги, взгляд его был редко встречаемо нежным:

— Угу, до встречи завтра.

Фан Чжи смотрел, как Чу Сяннань нежно попрощался с ним, а потом, повернувшись, изменился в лице и яростно ворвался в ворота, и громко рассмеялся. Он заложил руки за спину, повернулся и пошёл обратно, подняв глаза на бескрайнее чёрное небо.

Холодная луна всё так же лила на мир серебряный свет, чистый и безупречный, но больше не одинокая. Как бесстрашный рыцарь, несколько звёзд кружили вокруг серебряной луны, украшая яркое небо, помогая луне разгонять окружающую тьму.

Их было немного, но они ярко сияли.

Чан Гэ бросил пренебрежительную фразу, посмотрел на спектакль двух артистов и, пока они нежно прощались, важно вошёл в покои Чу Сяннаня и развалился на мягком диване.

Чу Сяннань вошёл, даже не успел открыть рот, как услышал слова Чан Гэ:

— Любимый ушёл?

— О чём ты. — Он бросил свитки в руках на диван, где лежал извивающийся юноша. — Ни серьёза!

Чан Гэ ловко поймал два свитка, затем закрутил их на пальце:

— Дело есть, поговорить хочу.

Чу Сяннань развязал ленту, чёрные волосы рассыпались водопадом.

— Говори.

Чан Гэ остановил руку, крутившую свиток, подпёр щеку рукой:

— Как думаешь, мне найти работу?

Чу Сяннань снял верхнюю одежду и упал на мягкий диван, Чан Гэ подвинулся, освобождая место, и два юноши лежали рядом на полу на диване.

— Конечно, сто́ит. — Чу Сяннань положил голову на скрещённые руки. — Иначе дома тебе скучно.

Чан Гэ убрал волосы с лица Чу Сяннаня:

— На самом деле, сегодня уже кто-то искал.

— О?

— Сегодня гулял по улице, увидел, как обижают девушку, вступился. Не думал, что у этого парня есть навыки, пришлось вытащить меч, чтобы прогнать. — Чан Гэ болтал ногами. — Девушка поблагодарила, я собрался уходить, но меня остановил мужчина на коне. Сказал, что видит, я молод, но владею мечом хорошо, и пригласил к себе на службу.

Чу Сяннань усмехнулся:

— Не мошенник ли?

Чан Гэ тоже рассмеялся, но над Чу Сяннанем:

— Какой мошенник. Другие могут не знать, а я разве не знаю? Меч на поясе у него — знаменитый «Меч, рассекающий зло».

Чу Сяннань воскликнул:

— Тот самый... генерал Гу... Гу... Гу... Гу... Гу???

— Проще говоря, так и есть. — Чан Гэ зарылся лицом в мягкий диван. — Поэтому я тогда не сразу согласился, сказал, что подумаю, вернусь посоветоваться с тобой.

Чу Сяннань загибал пальцы, бормотал:

— Домой можно только один день в месяц, остальное время в доме семьи Гу. Один день в месяц, полгода — шесть дней, год — всего двенадцать дней.

— Угу. — Прозвучал глухой голос юноши.

— Но это же тень, не просто страж у ворот! Это самый важный, самый сильный козырь в руках генерала Гу! Хотя все знают, но мало кто видел его истинное лицо. — Чу Сяннань вытащил его голову из дивана. — Дай посмотреть, что за талант у тебя, что генерал Гу сразу тебя приметил?

Чан Гэ, которого вытащили, имел глаза, полные энтузиазма и сияния, совсем не такие, как представлял Чу Сяннань.

Он снова бросил его на диван, с бесстрастным лицом:

— Думал, ты сомневаешься, хотел нежно утешить.

Чан Гэ хихикал:

— Тогда я пойду через несколько дней?

Чу Сяннань сказал:

— Конечно, иди, не пойдёшь — щенок.

Дни становились жарче, ясное небо сияло, словно поддерживая хорошую погоду, следующий месяц в академии всё было спокойно, учителя усердно преподавали, студенты жили в мире и согласии.